

Анна Старобинец Посмотри на него

CoRRvS

Огромной
художественной силы
история надежды
и отчаяния, смерти
и возрождения.

ГАЛИНА ЮЗЕФОВИЧ

Премия
**OZON.RU 2017
ONLINE AWARDS**
в номинации
Выбор LiveLib



Анна Альфредовна Старобинец

Посмотри на него

Серия «100%.doc»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22995112

*Старобинец, Анна. Посмотри на него: АСТ : CORPUS; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-100838-3*

Аннотация

Ожидание ребенка обычно связано с надеждами и радостными хлопотами. Но если у малыша несовместимый с жизнью диагноз, все иначе. Матери предстоит решить, прервать или доносить такую беременность, – и пройти тяжелый путь, какой бы выбор она ни сделала. Как вести себя женщине, чтобы горе не сломило ее? Как быть ее семье? И что могут сделать для них врачи и общество?

В своей автобиографической книге Анна Старобинец с поразительным мужеством рассказывает собственную историю. “Посмотри на него” – это не только честный и открытый разговор на невероятно сложную тему. Это своего рода инструкция по выживанию для тех, кто оказался перед лицом горя, которое кажется невыносимым.

Содержание

Предисловие	5
Благодарности	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	33
Глава 5	48
Глава 6	54
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анна Старобинец

Посмотри на него

© Анна Старобинец, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление,
макет, 2017

© ООО “Издательство АСТ”, 2017

Издательство CORPUS ®

Предисловие

Одно дело – придумывать страшные истории, совсем другое – самой стать героиней хоррора. Я долго сомневалась, стоит ли писать эту книгу. Ведь слишком личное. Слишком реальное. Не литература.

Но все, что я умею, это писать. Я не владею ни одним другим навыком изменять мир. Эта книга – не только о моей личной потере. Эта книга о том, насколько бесчеловечна в моей стране та система, в которую попадает женщина, вынужденная прервать беременность по медицинским показаниям. Эта книга – о бесчеловечности и человечности вообще.

Потерянного не вернешь. Утративших человеческий облик не превратишь обратно в людей. Но систему можно исправить, и я на это надеюсь. Поэтому я называю реальные имена, фамилии и названия учреждений. Поэтому я пишу правду.

Не исключено, что мои надежды не сбудутся. Что те, кто принимают решения и закручивают в этой системе винтики, мою книгу никогда не откроют. Что некоторые из тех, чьи имена я назвала, не испытают ничего, кроме злости. Пусть так.

Но если эта книга поможет кому-то в горе, значит, она написана не напрасно.

И значит, в том, что случилось с нами, был хоть какой-то смысл.

Благодарности

Моему мужу Саше, который все со мной разделил.

Моей дочери Саше, которая стала моим утешением.

Наташке, которая провела меня через ад.

Моим родителям, которые помогли нам совершить бегство.

Врачам клиники “Шарите”, которые проявили человечность.

Всем друзьям, которые меня поддержали.

Моему безымянному сыну, который пробыл со мной так мало.

И моему второму сыну Леве, который со мной остался.

Часть первая

Мы

Глава 1

Порок

– Ну, кто там, девочка или мальчик? – спрашиваю узиста. Он уже успел показать мне мозг, “очень хороший мозг у ребенка”, и сердце – “тут все правильно развито”. Он уже сказал, что размеры соответствуют сроку шестнадцать недель. Он уже задал мне этот абсурдный вопрос “Кто у вас дома?”, к которому за шестнадцать недель я успела привыкнуть, и я уже ответила, что у меня дома восьмилетняя дочка. Так что на этот раз я хотела бы мальчика. И вот я спрашиваю, кого он там видит, а он почему-то плотно сжимает губы. Как будто во рту у него большая кислая ягода и он размышляет, выплюнуть ее или нет. Он молча водит датчиком по моему животу и молча смотрит на монитор. Он слишком долго молчит, а потом говорит:

– Там мальчик.

Но что-то не так с его голосом. С интонацией. Он снова сжимает губы. Я вдруг вспоминаю начало собственной фантастической книги “Живущий”: “Датчик пискнул, и врач

считал результат. Я спросила: «Что-то не так?» Он молчал. «Что-то не так с ребенком?»»

И вот – ноябрь 2012 года, и я сама теперь в кабинете врача, который молчит, а УЗИ-аппарат попискивает, и я спрашиваю:

– С ребенком что-то не так?

Он решается, наконец, избавиться от своей кислой ягоды:

– В вашей семье у кого-нибудь есть патология почек?

– Нет...

– Мне не нравится структура почек этого плода. Гиперэхогенная структура.

На несколько секунд я даже испытываю облегчение. Подумаешь, почки. Ну, то есть почки – это, конечно, важно, но это все же не сердце, не легкие и не мозг, сердце и мозг у него хорошие, а почки мы уж как-нибудь вылечим, тем более никаких наследственных болезней почек у нас в семье нет. Это наверняка хороший прогностический признак...

– И они занимают бóльшую часть брюшной полости плода, – добавляет он. – Они в пять раз больше, чем должны быть.

Можно не знать, что такое гиперэхогенная структура, но совершенно очевидно, что почки не должны занимать весь живот. Так что я, естественно, понимаю, что это плохо. Очень плохо.

– Возможно, поликистоз почек плода, – говорит он. – Вытирайтесь и одевайтесь.

Кажется, в этот момент я впервые ненадолго раздваиваюсь. Одна я трясущимися руками стирает с живота гель. А другая внимательно и спокойно следит за той первой, и за врачом тоже, и вообще она весьма наблюдательна. Например, она замечает, что он больше не называет моего ребенка ребенком. Только “плодом”.

– Вам нужно сделать УЗИ экспертного уровня, – он пишет мне на бумажке название клиники и фамилию, – желательно вот у этого врача, он специалист по порокам развития плода.

Я спрашиваю:

– Это очень серьезно?

Он отвечает, но на какой-то другой вопрос:

– Я просто врач УЗИ. Я не эксперт и не Господь Бог, и я могу ошибаться. Сходите к эксперту.

Мне кажется, что он хочет еще добавить: “И помолитесь”, но он больше ничего не говорит.

Считается, что первая стадия горя – это отрицание. Узнав ужасную новость, ты якобы не можешь сразу в нее поверить. Ты утверждаешь, что это просто ошибка или что тебе сознательно врут, что врач УЗИ – шарлатан, что он отправляет тебя на другое УЗИ к своему приятелю, чтобы выкачивать деньги... Да, я видела такое на форумах, посвященных патологиям беременности, и даже моя мама, узнав о результатах УЗИ, на моих глазах очень скоро пройдет эту стадию, это нормальный защитный механизм – но у меня он почему-то не срабатывает. Еще до того, как я полезла в интернет читать

про поликистоз, еще до того, как прозвучал диагноз, еще в тот момент, когда он смотрел в монитор и молчал, я поняла, что все очень плохо. Действительно плохо.

Я оплачиваю УЗИ и выхожу в ноябрьскую мокрую тьму. Иду по улице, потом соображаю, что я вообще-то приехала на машине, но не могу вспомнить, где я ее поставила. Минут двадцать я брожу вокруг Центра акушерства и гинекологии на Большой Пироговке, то и дело забывая, что именно я тут ищу. Идти тяжело. Как будто я двигаюсь внутри густого черного облака. Потом я все-таки набредаю на свою машину, забираюсь внутрь и лезу в мобильный интернет. Я набираю “поликистоз почек плода”, и открываю, открываю ссылки, и понимаю, что поликистоз бывает двух типов, доминантный (или “взрослый”) и рецессивный (инфантильный). Что доминантный – это как раз такой, который есть и у других родственников, и с ним обычно живут. А рецессивный – это как моем случае. Если это мой случай. На фотографиях – уродливые младенцы со сплюснутыми лицами и огромными, раздутыми животами. Мертвые младенцы. С поликистозом инфантильного типа не выживают.

...Густое черное облако, окружающее меня, вдруг заползает мне в рот и в горло. Я задыхаюсь. Мне совершенно нечем дышать. Другая я, которая холодна и спокойна, тем временем подмечает, что я не просто сижу в машине и пялюсь в экран телефона, хватая ртом воздух, а еще и еду при этом по улице 10-летия Октября и мне все сигналият, потому

что я вылезаю на встречу.

Каким-то чудом я все-таки доезжаю до дома. Мне нечем дышать, и когда моя дочка Саша, мы зовем ее Барсучком, радостно выбегает с вопросом “Мальчик или девочка?”, а мой муж, тоже Саша, выходит с кухни с мокрыми руками и скучно интересуется: “Все в порядке?”, я не могу говорить, а только втягиваю и втягиваю в себя воздух, но воздуха нет, мое черное облако не пропускает его в мои легкие.

– Что с ребенком? – Саша-старший хватается за плечи. – Что с нашим ребенком?

Барсучок смотрит на нас с испугом и готовится плакать. Наблюдательная, спокойная я тоже смотрит на нас, причем укоризненно. Ей не нравится, что мы пугаем дочь. Ей не нравится, что я не могу себя сдерживать. Но ей забавно, что мы все как будто разыгрываем сцену из сериала.

– Не могу дышать, – всхлипываю я, вполне в рамках жанра.

Муж приносит мне стопку виски и говорит:

– Выпей залпом.

Добавляет, глядя на мой совсем недавно наметившийся живот:

– От такой дозы с ним ничего не случится. Пей.

Я проглатываю содержимое стопки, и меня действительно отпускает. Я дышу, я смотрю на Барсука Младшего и Барсука Старшего. Как раз утром мы обсуждали, кем будет новый ребенок. Саша боялась, что он вытеснит ее с должности

Младшего, но я сказала, что мы будем звать его Барсук Наименьший и никто не будет обижен... А теперь я говорю им обоим, говорю своим барсукам:

– Это мальчик. Но его не будет. Наверное.

Остаток вечера мы с мужем сидим в интернете, читая про поликистоз. Время от времени я рыдаю, а муж говорит мне, что это еще не точно, что нужно сначала дождаться экспертного УЗИ, что я рано впадаю в панику. А Барсучок Младший делает для меня открытку, на ней нарисован цветочек и написано корявым почерком, за который ее ругают в школе: “Мама, все будет хорошо”. Еще она таскает мне свои игрушки, одну за другой, и говорит, что они будут моими талисманами, что они меня защитят.

Этим же вечером, впервые за шестнадцать недель, ребенок во мне начинает шевелиться. Это мягкие, скользящие движения – как будто он меня гладит. Как будто мы собрались все вместе, вся “семья барсуков”, просто Старший и Младший снаружи, а Наименьший – внутри. Как будто все будет хорошо. Как в кино.

Глава 2

Такие не выживают

Утром Барсучок просыпается с больным горлом, поэтому Старший остается с ней. А я одна собираюсь на улицу Опарина в Центр акушерства, гинекологии и перинатологии имени В. И. Кулакова.

Еще ночью я успела прогулть доктора Воеводина – того, что записан у меня на бумажке, – и гугл открыл мне, что он действительно один из лучших экспертов в стране. По телефону в регистратуре мне говорят, что Воеводин меня не примет, что у него запись на три недели вперед. Но у них есть другие специалисты экспертного класса. К ним тоже сложно попасть вот так сразу, но можно хотя бы попробовать, приезжайте.

Я беру с собой талисманы – плюшевую собачку и плюшевого суриката – и приезжаю. Я не могу ждать три недели. В Центре акушерства невероятное количество женщин и горстка сопровождающих мужчин. Они сидят в зале ожидания и ждут своей очереди. Почти у всех женщин – гигантские животы. Как минимум половина женщин – “беременюшки”. Пока я озираюсь в поисках стойки регистратуры, одна беременюшка рядом со мной капризным голосом сообщает другой: “А я гормоны не принимаю, витаминчики только. Ведь главное, чтобы масику в животике было комфорт-

но”. Беременюшки (так они сами себя называют на женских форумах) отличаются от просто беременных женщин повышенной сентиментальностью, склонностью к сюсюканью и иногда еще розовыми комбинезонами для будущих мам. В животиках у них сидят масики и пузожителю. И им там очень комфортно... А моему – нет. Моему, наверное, некомфортно. Потому что вряд ли кому-то будет комфортно, если у него почки в пять раз больше нормы. И мне некомфортно. В этом зале ожидания, похожем на вокзальный. Среди этих женщин, у которых такие лица, будто скоро за ними прямо сюда придет игрушечный поезд и увезет их в прекрасное будущее. К молочным смесям, к розовым и голубым ленточкам, к распашонкам и памперсам. И к масикам, у которых нормальные почки.

А я в этот поезд не попаду.

Это зависть? Давайте я не буду врать. Это зависть.

Я выстаиваю очередь в регистратуре и говорю, что мне необходимо УЗИ экспертного класса.

– А вы беременны? – удивляется тетушка за стойкой. – Какой у вас срок?

Срок у меня четыре месяца, но живота почти не заметно. Как будто я и не беременна вовсе. Как-то даже обидно.

– Шестнадцать недель, – говорю я ей. – Поликистоз почек плода. Пожалуйста.

Тетушка проникается ко мне сочувствием и идет выяснять, готов ли кто-то из супер-пупер-экспертов принять ме-

ня прямо сегодня без записи.

Беременюшка в розовом спортивном костюме отступает от меня на шаг, как будто боится заразиться бедой. Вся очередь мрачно глазеет, вроде как бы и не на меня даже, а так, в мою сторону.

Тетушка возвращается к стойке:

– Вас согласился принять профессор Демидов. Это светило. Записываемся? УЗИ будет стоить три тысячи рублей.

Я записываюсь. Что такое три тысячи, я готова отдать и больше. Мое вчерашнее неэкспертное УЗИ на Пироговке стоило столько же. Я сажусь в зале ожидания и вбиваю в смартфон: “Демидов УЗИ плода”. “Википедия” сообщает, что Демидов Владимир Николаевич – “советский и российский врач акушер-гинеколог, перинатолог. Доктор медицинских наук. Профессор. Основоположник ультразвуковой и перинатальной диагностики в СССР”. То есть и правда светило.

Я испытываю прилив благодарности к пожилому профессору, который вот так вот запросто, без всяких понтов, из чистого сострадания согласился принять меня в день обращения. Вот что значит настоящий врач с большой буквы. Советская школа. Мой номер (они высвечиваются на табло) еще не скоро, и я иду искать туалет.

Туалет на этаже один – то есть единственная кабинка. Если вы мужчина или, к примеру, женщина, которая никогда не была беременна, вы, возможно, не знаете, что позывы к

мочеиспусканию у беременных женщин возникают очень часто и они очень сильные, во-первых, по гормональным причинам, а во-вторых, потому что растущая матка давит на мочевой пузырь. Поэтому стоять в очереди из пятнадцати человек в единственную кабинку довольно мучительно. Я пишу все это даже не потому, что не понимаю, почему кабинка единственная (хотя я и не понимаю), а потому что хочу, чтобы было ясно, в каком состоянии я нахожусь, когда моя очередь в сортир наконец-то подходит. Я уже практически берусь за ручку двери, когда путь мне преграждает уборщица с ведром и шваброй. Преграждает буквально – встает в дверном проеме и не дает мне пройти. Она смотрит вниз, на мои ноги, на мои зимние ботинки, и на лице ее – ненависть:

– Ты почему не в бахилах?!

А почему я не в бахилах? Не знаю. Я не думала про бахилы. Я не видела, где их продают.

Я не знала. Извините.

– Не знала она. Иди на первый этаж и надень бахилы. Без бахил в туалет нельзя.

Я понимаю, что до первого этажа не дойду. Что если сейчас, сию же секунду, я не окажусь в заветной кабинке, я просто описаюсь.

– Мне очень надо, – говорю я уборщице. – А потом я сразу пойду за бахилами.

– Без бахил не пущу, – отвечает она.

Тут я зверею. Я понимаю, что я ее ненавижу. Она нена-

видит меня, а я ненавижу ее, мы две агрессивные самки, я больше не пациент медицинского центра, а она – не сотрудник, расчеловечивание происходит мгновенно. Я соизмеряю силы. Она – самка старая, я – молодая. Я явно сильнее ее. Поэтому я просто отталкиваю ее, двумя руками, от двери сортира, вбегаю внутрь, запираюсь и наконец отвечаю, как говорится, на зов природы.

– Вот с-сука, чтоб тебя... – доносится голос уборщицы из-за двери.

Потом я все-таки спускаюсь на первый этаж и покупаю бахилы. И жду, когда меня вызовут. Мне звонит муж и говорит, что связался с личной ассистенткой профессора Воеводина, и что она сказала, что я могу подняться в его кабинет, и что он, может быть, меня примет. Но я ведь уже оплатила УЗИ у Демидова. И скоро высветится мой номер. Так что я остаюсь и жду. Профессор Демидов принимает меня спустя час.

Он водит датчиком по моему животу и бормочет:

– ...Так, почки... Да... Похоже, тут действительно поликистоз... Или, возможно, мультикистоз двусторонний... Так, пол... Это мальчик... Головное предлежание... Хочу посмотреть мозг трансвагинально... Разденьтесь до пояса...

Я раздеваюсь. Демидов тихо переговаривается о чем-то со своей ассистенткой, я слышу невнятное бормотание: “Конечно... Кому же не интересно...”; потом она выходит из кабинета.

Профессор вводит трансвагинальный датчик мне во вла-

галище.

Спустя минуту в кабинет входят в сопровождении ассистентки человек пятнадцать в белых халатах – студенты-медики и молодые врачи.

Они выстраиваются вдоль стены и молча смотрят. А я лежу голая. С трансвагинальным датчиком в одном месте. Я снова раздваиваюсь. Та я, которая на грани истерики, зажмуривает глаза, чтобы их не видеть, и, кажется, плачет. Другая я, наблюдательная и спокойная, размышляет, как это забавно, что вся сцена и по ощущениям, и по антуражу похожа на фрагмент кошмарного сна. Есть такой распространенный тип ночного кошмара, когда ты, например, без трусов выходишь к школьной доске.

Потом он вытаскивает из меня датчик и повторно водит по животу – специально, чтобы продемонстрировать студентам то, что они пропустили.

– Смотрите, какая типичная картина, – говорит профессор Демидов. – Вот кисты... Видите? Вот они, множественные кисты... Размеры почек в пять раз больше нормы... Мочевой пузырь недоразвит... Смотрите, как интересно... Вод пока нормальное количество... Но скоро будет маловодие... С такими пороками дети не выживают...

Не выживают. Не выживают. Не выживают.

Профессор Демидов обращается не ко мне, а к студентам. Меня он больше не замечает. Меня больше нет.

Спокойная я на некоторое время полностью захватывает

мое тело. Я лежу без трусов, по моим щекам текут слезы, такие дети не выживают, но это все не со мной. А я размышляю.

Я думаю, что в чисто образовательных целях показывать “типичную картину” студентам и начинающим медикам важно. Что это просто необходимо для воспитания квалифицированных кадров. Чтобы они отличали одну патологию от другой. Одну кисту от другой. И я понимаю, что правильнее всего показывать, как выглядит патология, на живом примере. На моем примере. Но тут вот ведь что любопытно. Если я сейчас честно служу науке в целом и Центру акушерства, гинекологии и перинатологии им. В. И. Кулакова в частности, какого ж черта я заплатила за это исследование три тысячи рублей? А если уж я их заплатила, то почему светило науки попросту не спросило меня, не возражаю ли я, чтобы за мной сейчас наблюдала толпа посторонних? Я, кстати, скорее всего, согласилась бы. По тем же причинам, по которым я пишу эту книгу, – чтобы в происходящем был хоть какой-то практический смысл...

Самое удивительное, что, когда днем позже я опишу эту сцену своему другу С., врачу-педиатру, он искренне удивится моему возмущению. Он скажет: “Это нормальная практика. Студентам нужно учиться”. И только когда я напому про три тысячи рублей и про этику, он вроде бы со мной согласится – но как-то не слишком уверенно.

И кстати, про “нормальную практику”. Нормально ли, что

профессор, сообщающий мне о том, что мой ребенок не выживет, не выражает сожаления и сочувствия? “Мне очень жаль, но такие дети не выживают”. Это звучало бы лучше. Конечно, профессору не жаль. У профессора – профессиональная деформация, и принял он меня, наверное, потому, что мой случай можно использовать в педагогических целях, но это все вопросы, касающиеся исключительно профессора и его душевных свойств. Но вот что касается “нормальной практики”: формальное выражение сочувствия в таких случаях – это норма человеческого общения. Это международный стандарт. Базовый. Пройдет еще несколько дней, и я обнаружу, что у нас такого рода стандартов вообще нет. Иногда попадаются люди, считающие нужным сказать “сожалею” или “сочувствую”. Но это исключения. Никаких общепринятых ритуалов выражения сострадания не существует.

Вы, может быть, думаете, что это неважно? Что от этого не легче? Поверьте мне. Важно. И легче. Совсем немного, но легче. Представьте себе, что у вас нет кожи, вам больно даже от ветра, вам больно от себя самого. Представьте теперь, что к вам прикасаются рукой. Вы предпочли бы, чтобы это была рука в рабочей брезентовой рукавице? Или чтобы тот, кто вас трогает, сначала бы ее снял, помыл руки с мылом и намазал их кремом?

– Одевайтесь, – говорит мне профессор, вид у него слегка озадаченный. – Чего вы сидите? Вытирайтесь и одевайтесь.

Я обнаруживаю, что действительно тупо сижу на кушетке

– без трусов, с измазанным в геле животом – и смотрю в одну точку.

Я вытираюсь и одеваюсь. Студенты молча наблюдают за мной. В абсолютной, гробовой тишине.

Я нарушаю эту тишину:

– Он совсем нисколько не проживет?

– Ну почему же нисколько, – отвечает профессор. – Может быть, проживет. Два-три дня. Или даже месяца. Вам решать. Прерывать беременность или донашивать.

– Куда мне теперь идти?

– Идите в женскую консультацию.

– А здесь?..

– Здесь мы такими вещами не занимаемся.

Это первый (но далеко не последний) раз, когда я слышу формулировку про “такие вещи”, но сейчас я слишком раздавлена, чтобы насторожиться.

– Спасибо, – говорю я профессору.

Мне кажется, на его лице мелькает какое-то человеческое чувство, но он тут же загоняет его поглубже.

– Идите в женскую консультацию, – зачем-то повторяет он снова.

Я выхожу из кабинета и сталкиваюсь нос к носу с той самой уборщицей. Она молча зыркает в мою сторону, и по лицу ее разливается совершенно искреннее, какое-то даже детское выражение злорадства. Не знаю, как я сейчас выгляжу. Надо думать, что очень плохо.

То, что я делаю дальше, – это, наверное, то самое отрицание. Которое меня наконец накрыло. Я не иду вниз в раздевалку. Я поднимаюсь на тот этаж, где принимает эксперт Воеводин. Я не совсем отдаю себе отчет в своих действиях, но я хочу, я просто должна сделать экспертное УЗИ снова. И именно у того доктора, который написан у меня на бумажке. Потому что он – самый лучший. И у него современный подход. А не замшелая советская школа. Возможно, он скажет мне что-то другое. Я не надеюсь, что он сообщит мне, что все в порядке. Но я надеюсь, что он оставит мне хоть какой-нибудь шанс. Хотя бы пару процентов. Что мой ребенок родится и сможет выжить. Мы будем лечить его. Мы все сделаем. Донорская почка, диализ, все что угодно...

Я сажусь в очередь к профессору Воеводину. Дело уже к вечеру, я дожидаясь, когда он принимает последнюю пациентку по записи, и захожу.

Воеводин стучит по клавиатуре компьютера.

– Я занят, – говорит он. – Я вас не вызывал.

– Когда мне можно будет зайти?

Он поворачивает ко мне лицо, недовольное и самодовольное одновременно.

– Я очень занятой человек. Чего вам вообще надо?

Я начинаю путано объяснять, что муж звонил ассистентке, и что тот врач, который делал мне УЗИ на Пироговке, рекомендовал обратиться именно и только к нему, и что ассистентка сказала, чтоб я пришла...

– А, это вы, – он слегка смягчается, но тут же снова мрачнеет. – Это было два часа назад. Почему вы пришли только сейчас?

Я начинаю плакать. Я говорю, что уже успела записаться к Демидову, и что моя очередь уже подходила, и что...

– Так вы уже сделали УЗИ у Демидова? – рявкает Воеводин.

– Да.

– Тогда чего вы хотите от меня?! – теперь он уже просто орет. – Вам сказали идти ко мне, вы пошли к Демидову, вы сделали свой выбор, чего вы теперь хотите?! Идите отсюда!

– Я хочу сделать УЗИ у вас.

– Но пошли вы к Демидову!

– Извините.

Я чувствую себя дождевым червем, которого разрезали стеклышком. На две половинки. Одна извивается, унижается и пускает слезы и сопли, потому что она хочет УЗИ. Другая почти не двигается. Она презирает первую. И шепчет ей: “Ты разве не видишь, что этот человек – сволочь?”

– Какой он вам поставил диагноз? – спрашивает Воеводин.

– Двусторонняя мультикистозная дисплазия почек.

– Срок?

– Шестнадцать недель.

– Мое УЗИ стоит дорого, – он слегка успокаивается. – Шесть тысяч рублей.

– Хорошо, – отвечаю я. – У меня они есть.

– Тогда приходите через две недели. Я люблю смотреть почки на сроке 18 недель. Сейчас я смотреть не буду. Ничего не делайте эти две недели. Никаких инвазивных процедур. Никаких прерываний. Ждите.

Конечно, я больше никогда к нему не пойду. Но позже я выясню, что он предложил мне прийти через две недели не из каприза. А потому, что состояние мочеполовой системы действительно лучше смотреть в 18 недель. Хотя бы потому, что к этому моменту почки плода полностью берут на себя функцию по заполнению матки водами (эмбрион заглатывает околоплодные воды и выделяет их обратно с мочой, это такая замкнутая экосистема), и если воды есть – значит, функция почек хотя бы частично сохранена, а если их нет – значит, почки не работают в принципе. То есть эксперт Воеводин был с медицинской точки зрения прав.

Это не отменяет того безобразия, которое произошло с точки зрения человеческой. Но душевные качества эксперта – это проблема только его и его семьи. А вот отсутствие обязательных норм поведения в медицинском учреждении – это уже проблема системная.

И снова о ритуалах. В достаточно развитых обществах для таких случаев, как мой, и для многих других придуманы готовые формулы и даже готовые интонации, которые во все не обязательно должны идти из самого сердца, но которые необходимо использовать, чтобы соблюсти этику. Ско-

рее всего, рыдающая тетка, которая приперлась к эксперту без записи в конце рабочего дня, предварительно сделав УЗИ у его конкурента, вызовет у эксперта в развитом обществе не меньшее раздражение, чем в неразвитом. Но в развитом эксперт ей выдаст готовую формулу: что мнению коллеги он доверяет, однако готов, если есть такое желание, представить *second opinion*, но что сегодня прием уже, к сожалению, завершен, звоните тогда-то, приходите тогда-то. У нас же готовые формулы отсутствуют, а “неготовые” вырабатываются в каждом конкретном случае каждым конкретным индивидом с нуля. И зависят они во многом от того, стоял ли индивид в пробке, болит ли у него голова и поскандалил ли он утром с женой.

Опять же, даже в достаточно развитом обществе узист экспертного класса, если у него уж очень болит голова, вполне способен ненадолго съехать с катушек, забыть все формулы и просто орать на женщину в голос. Однако после такого случая узист экспертного класса, скорее всего, будет уволен из медицинского учреждения. Причем со скандалом. И с пятном на репутации. Что до эксперта Воеводина – он, сколько я знаю, вполне успешен. Его УЗИ стоит дорого, и он весьма занятой человек.

...Две половинки моего червяка неровно, коекак склеиваются, и я долго ползаю по Центру акушерства, гинекологии и перинатологии имени В. И. Кулакова и не могу найти гардероб. А потом не могу найти номерок. А потом не могу

найти выход.

Мне хочется, чтобы кто-то меня взял меня за руку и вывел отсюда. Но никого нет.

Никогда не ходите в такие места одни. Возьмите мужа, или подругу, или мужа подруги, маму, дядю, сестру, черта в ступе, соседку по лестничной клетке. Возьмите любого, кто поможет вам найти выход. Не выход вообще, а просто выход из здания.

Глава 3

Просто плод

Барсучок Младший – оптимист. Она верит, что с нами случится чудо и Наименьший все же родится. Вероятно, это ее этап отрицания. Но ей важно, чтобы я верила тоже, как будто моя вера может что-то исправить. Она ходит за мной как хвостик:

– Ну ты хоть немножечко веришь? Чудеса ведь бывают? Ну ты же веришь хоть на вот каплю? Хоть на один процент? На такую вот волосинку?

Я не знаю, как ответить ей правильно, поэтому говорю то, что думаю. Я не верю. Ни на один процент, ни на каплю, ни на волосинку. Моя стадия отрицания уже пройдена. Вероятно, это жестоко, но я не хочу давать Барсучку надежду. Чем сильнее сейчас надежда, тем потом будет хуже.

Говорят, вторая стадия горя – это гнев.

У меня не то чтобы гнев – но мне хочется найти виноватых.

Самый главный, кто во всем виноват, – это я сама. Я прокручиваю эти шестнадцать недель в голове и нахожу много грехов. Я не радовалась должным образом зарождению во мне новой жизни. Беременюшки на форумах пишут: “Когда увидела заветные две полосочки, радости не было предела”. Это их мантра. Их заговёр. Это как начало молитвы.

Как будто есть специальное божество, которое мониторит их форум и которое нужно задобрить. А я не задобрила. И вообще я неправильная. Моей радости был предел. Когда я увидела две полоски на тесте, мне стало страшно. Правда, в первую беременность, которая закончилась Барсучком, мне тоже было страшно, но это неважно. В этот раз мне было страшнее. Или это наказание за оба раза вместе. А еще я пила сухое вино в ночь зачатия. Я курила. Я нерегулярно питалась. Я не ходила в бассейн. Слишком много работала. Писала новую книгу. Писала сценарий. Писала статьи. И сейчас мне тоже надо писать. До того, как начался этот кошмар – то есть всего три дня назад, – я делала большой репортаж, причем в номер. Но теперь я не могу ничего писать. Я отправляю главному редактору сообщение по имейлу, про пороки развития и про то, что я ничего не могу. Мне приходит ответ: “Конечно. Текст переносим”.

Это текст про детей, которых служба опеки хочет забрать из семьи. Потому что у них дома грязь, тараканы, собаки, кошки, крысы и блохи. Потому что у них воняет. Потому что их мама подбирает всех бездомных животных. Потому что их маму служба опеки тоже когда-то забрала у ее мамы, и она выросла в детском доме, и она понятия не имеет, что такое нормальный дом. Я хотела за них вступиться, написать, что нельзя разлучать семью, что цепь сиротства должна прерваться. Что эти дети привязаны и друг к другу, и к своей матери, какая ни есть. И что их нельзя забирать, с ними

должен работать социальный работник. Что они сейчас хоть вонючие, но счастливые. А в детдоме они будут чистыми и несчастными. Я общалась с волонтерами и психологами. Я к ним ездила. В их вонючий бомжатский дом.

Это всё они виноваты. Они меня заразили. Я была там в первом триместре, как раз на стадии формирования органов. Это все она виновата, их преступная, слабоумная мать. У нее четыре ребенка, и ни об одном она не заботится. Почему она живет на помойке, но рождает здоровых детей? Почему ее мальчики живы, а мой не выживет?

Потому что мне не надо было к ним ехать, в их антисанитарию. Это я сама виновата.

Впрочем, нет. Поликистоз – болезнь генетическая, ей нельзя заразиться. То есть я виновата, но не в том, что поехала в тот бомжатник, а в чем-то другом.

Знаю, в чем. У меня есть грех. Самый главный грех.

Я однажды сказала, что я его не хочу. Не хочу рожать второго ребенка. Я сказала это со злости, во время ссоры с Барсуком Старшим. Слово имеет силу. Это было где-то в восемь недель. Наверняка как раз на стадии формирования почек.

Барсук Старший. Это он виноват. Из-за него я это сказала. И к тому же он сам говорил неправильные слова. Говорил, что это не вовремя. Что слишком много работы.

– Ты его не хотел! – набрасываюсь я на Старшего. – Говорил, он будет мешать! Ну что, теперь рад?

Барсук Старший говорит:

– Нет, не рад. На самом деле я его тоже хотел.

И беспомощно добавляет:

– Я планировал играть с ним в футбол.

Мне становится стыдно, но мне хочется ковырять это дальше:

– А теперь ребенка не будет. Ребенка не будет.

И тогда он начинает меня убеждать, что это еще не ребенок, а плод. Плод не может существовать вне моего организма. Плод еще не живет в полном смысле этого слова... Он доказывает. Он настаивает. Он хочет этим меня утешить, но я прихожу в отчаяние. Мой ребенок живой, он пинается, он шевелится! Я кричу: не смей называть его плодом. Он человек, а не яблоко.

– Хорошо, но я могу называть его эмбрионом?

“Эмбрион” звучит лучше. Мы устраиваем теологический спор о душе эмбриона. Мой крещенный в православие муж утверждает, что души у эмбриона, наверное, нет. Некрещенная я утверждаю, что у него есть душа. И что я ее чувствую. Дополнительную, чистую душу внутри себя.

– Хорошо, – говорит Барсук Старший. – Тебе виднее.

Он уступает, просто чтобы меня успокоить. Он все время мне уступает и меня успокаивает. Он готовит, он покупает продукты, он моет посуду, он делает Младшему ингаляции и полоскание для горла. Он работает, он просит меня поесть, он меня обнимает, и гладит по голове, и говорит: “Я с тобой”. Он общается по телефону с моими родителями и со своими

родителями. Я лежу и рыдаю, а он как волк из той старой компьютерной игры, он ловит все яйца во все корзины. Он со мной. Но не в нем, а во мне этот мальчик с огромными почками. Это мне предстоит убить его в самое ближайшее время. Или мне предстоит доносить его и родить. И увидеть, как он умирает.

Глава 4

Мы этими вещами не занимаемся

Мария¹ На узи в 22 недели сказали, что у ребенка врожденные пороки – синдром арнольда-киари, гидроцефалия, неправильной формы голова и аномальный позвоночник, деформированы стопы, заключение комиссии генетиков было однозначным-прерывать, ребенок с такими пороками не выживет. <...> вызывали искусственные роды, когда родила, мне закрыли глаза-сказали не смотреть, иначе потом до конца жизни запомню

Гость Не верьте врачам лучше езжайте к матронушке, она поможет. Можно еще по святым местам.

Ульяна Никогда не забуду день, когда я написала согласие на убийство собственной дочери. <...> Девочка во мне боролась и росла, ручки ножки все соответствовало сроку, но средце в таких условиях сказали стало сдавать, все гипертрофировано. Поставили задержку развития. Сказали не доживет.

¹ Эта и другие реплики участниц интернет-сообществ взяты из открытых источников в интернете; орфография и пунктуация сохранены. – *Здесь и далее – прим. авт.*

Заседал консилиум. <...> До сих пор не могу простить себе, что все же усомнилась в ее силах выжить... Как будто она специально мне показывала, что она может, она растет, а я решила за нее. Господи ни кому не пожелаю пройти через это – убить собственного ребенка... Мне в 10.30 утра просто ввели натрий хлор <...> вставили ламинарии, потом живот болел жутко, часа 4 не отпускало вообще. 3 раза в день с утра кололи но-шпу, окситомицин (по-моему) тот же натрий хлор и чего-то еще. Схватки начались ближе к 7 вечера, начиная с 9 вечера схватки повторялись каждые 30 секунд, при этом без остановки рвало, в 01.40 – я родила свою убитую девочку...

Я стою на учете в женской консультации, но наблюдалась все шестнадцать недель в Клинике акушерства и гинекологии имени В. Ф. Снегирева, что на улице Еланского, рядом с Большой Пироговкой. Наблюдалась платно. И рожать собиралась там же и тоже платно. Мне казалось, так будет надежней. В первую беременность меня не покидало ощущение, что там, внутри, все держится на соплях. Мне постоянно писали: “угроза выкидыша”, я лежала на сохранении. Барсук Младший родился тем не менее в срок, но я решила, что во второй раз подойду к делу с умом. Консультация – что консультация? Там очереди, там все раздраженные, бес толковые. Лучше платно. Более квалифицированные врачи, более качественная аппаратура и все такое. В эту вторую беременность у меня был пульс за 120, но никакой угрозы пре-

рывания не было. Барсук Старший еще шутил, что этот ребенок крепко в меня вцепился и уже никуда не денется.

Теперь мы знаем, что денется. Такие дети, если не погибают в утробе, рождаются с огромными животами. Их животы состоят в основном из почек. А почки – из кист. Их животы такие большие, что мешают им продвигаться по родовым путям и требуется кесарево сечение. Их легкие неразвиты – из-за давления почек и из-за компрессии, связанной с отсутствием вод. Они не могут дышать. Они живут от нескольких минут до нескольких месяцев на аппарате искусственного дыхания. У них высокое артериальное давление. У них “лицо Поттера” – не путать с любимым героем. Лицо Поттера формируется в результате отсутствия вод. Приплюснутый нос, широко расставленные узкие глаза, деформированные ушные раковины.

А ведь наша дочь – она такая красивая. Она очень красивая.

Я звоню врачу, который консультировал меня в клинике имени В. Ф. Снегирева. Я рассказываю про огромные почки и про поликистоз. И про то, что мне, возможно, придется прервать беременность.

– Это очень серьезный диагноз, – говорит он. – А прерывание – серьезная процедура.

– Да, я знаю. Что мне делать? Когда мне к вам подойти?

– Я не вижу сейчас большого смысла идти ко мне. Вы могли бы проконсультроваться с перинатологами. Например,

в Филатовской больнице. Но вообще, если диагноз подтвердится, то прогноз на жизнь неблагоприятный. Я бы вам посоветовал как можно скорее обратиться в женскую консультацию. Сейчас время работает против вас. Срок большой. Женская консультация дает разрешение на прерывание.

– Если я получу это разрешение, я смогу прервать беременность в вашей клинике?

До сих пор он говорил со мной мягко и сострадательно. После этого вопроса что-то в его тоне меняется. Будто я предложила ему заняться чем-то грязным и извращенным на пару со мной.

– Нет, мы этим не занимаемся. Мы такими вещами не занимаемся.

Я обзваниваю еще несколько клиник и роддомов с хорошей репутацией, платных и бесплатных. Они тоже такими вещами не занимаются. “А какими «такими»?” – “Как какими? Абортами на больших сроках!” – “Но ведь это же по медпоказаниям!” – “Вот и обращайтесь в женскую консультацию”. А еще я спрашиваю, ведут ли они беременность с такими пороками. На платной основе. Если я, к примеру, решу доносить ребенка. Но такими вещами они тоже не занимаются. В одной из клиник мне возмущенно говорят:

– Вы что, женщина?! Как вы себе это представляете? У нас же здесь беременные! Глядя на вас, они будут волноваться!

У них здесь беременные. Беременюшки. Они здесь занимаются беременюшками и их пузожителями, а не всякой па-

тологической мерзостью. Они контролируют их вес, и состав их крови, и биение их сердец. Но если что-то идет не так, если работа первичных ресничек в клетках эпителия почечных канальцев нарушена, если паренхима перерождается в кисты, если прогноз неблагоприятный, если такие дети не выживают – то пузожитель превращается в плод с пороком, в гнилую тыкву; беременюшка превращается в крысу. Все эти клиники. С воздушными шариками, с журналами “Ваш малыш”, с фотографиями младенцев, с бюстгальтерами для будущих мам. Они не для крыс. Пусть крысы уйдут через черный ход. Пусть крысы копошатся в подвале. Через парадный заходит та, что ждет малыша. Через парадный заходит будущая мама. А я не жду, я уже никого не жду. Я просто крыса. И мое будущее прописано в инструкциях санэпиднадзора.

Преимущество беременного журналиста перед беременным нежурналистом заключается в том, что беременный журналист умеет быстро собирать информацию, даже когда он в полном отчаянии и залит соплями. Всего за пару часов ресерча я выясняю, что прерывание беременности на поздних сроках делается в строго специализированных учреждениях по медицинским либо социальным показаниям. Что эти учреждения – это в основном акушерско-гинекологические стационары при определенных больницах. В такие стационары принимают беременных и небеременных женщин, в том числе с вирусными инфекциями, с гнойно-сеп-

тическими поражениями, с воспалительными заболеваниями половых путей, с хронической урогенитальной инфекцией, после перенесенных подпольных аборт, без регистрации, без обменной карты, без определенного места жительства. Поздний аборт по социальным показаниям – это случай женщин, больных наркоманией, алкоголизмом, психическими расстройствами, материально необеспеченных, “без кормильца”. Поздний аборт по медицинским показаниям – это мой случай. Угроза жизни матери или тяжелые пороки развития плода. Получить направление в такое учреждение можно только в женской консультации по месту жительства.

В Москве “такое учреждение” – это, к примеру, акушерский стационар при 36-й городской больнице. Она располагается в районе Соколиной Горы. Если вы мужчина либо женщина, которая никогда не была в положении, вы, возможно, не знаете, что Соколиной Горой любят пугать нерадивых беременюшек. “Вот ты приходишь нерегулярно, вот не заполним тебе обменную карту, и будешь рожать на Соколиной Горе с бомжами”. В первую беременность мне так в женской консультации и говорили. Правда, во вторую беременность, которую требуется прервать, мне скажут совсем другое. Что там, в больнице на Соколиной Горе, специально обученные врачи, профессионалы и мастера своего дела. Они и только они способны прервать беременность на большом сроке. Для этого требуется настоящее мастерство. Ведь дело опасное. Вдруг что не так пойдет. Кровотечение. Или

придется удалить матку.

Ну и конечно, какой ресерч без чтения отзывов и обсуждений на форумах. Я прочла их сотни или, может быть, тысячи. Это целый мир. Это войска крысиного короля, проигравшие бой. Изувеченные, истекающие кровью, отступающие с шипением и криком в свои подземные норы...

Лёля Когда 20 июля я пережила искусственные роды по мед. показаниям у моего мальчика обнаружили Синдром Арнольда Киари, я узнала что такое БОЛЬ. Когда страшно закрывать глаза, когда невозможно смотреть на др. детей, ты становишься как открытая рана, которая постоянно кровоточит. У меня был большой срок 26-я неделя, меня стимулировали 7 дней, вставляли ламинариии, кололи уколы. <...> сын был живой и очень сильно пинался. Когда прокололи пузырь и отошли воды, мой живот принял его форму и я могла рукой чувствовать сердцебиение плода. Потом я начала терять много крови, не знаю почему и родовая деятельность прекратилась совсем и тогда было принято решение проводить аборт. Его живого разрезали внутри меня на кусочки и извлекли.

Гость мамы которые делают такие ужасные вещи просто стервы.....

Ольга Я слава Богу не проходила через этот ужас, но с уверенностью могу сказать, что жить ребенок должен столько, сколько дано ему Богом! а не врачами. Пусть проживет 1 час, 1 минуту, но Вы будете знать, что не

убили его

Из статьи на сайте “Женский доктор”:

Для прерывания осуществляется прием гормона простагландина, который вызывает схватки и медленное раскрытие шейки матки. Такой процесс является очень долгим и болезненным <...>.

Гораздо чаще на поздних сроках “искусственные роды” осуществляются с помощью препарата мифепристона и аналога простагландина.

Еще один способ “искусственных родов” – солевой аборт, или “заливка”². Из плодного пузыря иглой откачивают жидкость и вводят солевой раствор. Через некоторое время плод умирает от химического ожога и кровоизлияния в мозг. В течение следующих двух суток мертвое тельце извлекают из организма женщины. <...> Иногда случается так, что ребенок рождается живым, в этом случае ему производится инъекция хлорида калия, которая вызывает остановку сердца.

Из статьи на Allwomans.ru:

Врачи называют такой плод “леденцовым”, так как кожа ребенка под действием соляного раствора истончается и становится ярко-красной. Извлекают мертвый плод после 24–48 часов.

² Насколько мне известно, “заливку” сейчас в России не применяют – по крайней мере, в крупных городах. Тем не менее это очень распространенная “пугалка” и в сети, и в женских консультациях.

Maxim В жизни бы не согласилась на такое! У некоторых женщин не может быть детей, а кто-то творит такие зверства! Бедные детки, еще не родился уже измучился и умер!

катя Л. Мне 20 лет беременность была желанная я не пью не курю. <...> пороки не совместимые с жизнью спина бифида, накапливается жидкость в головном мозге, тело-банан, раздвоение в спинно крестцовом отделе, и что то с одной стопой. Я потеряла смысл жизни лягла в больницу <...> ставили таблетки через каждые 3 часа. Начали с 9 утра в 17 начались не выносимые боли сказали ставить свечи чтоб матку ослабить а от них только проносило в 21:20 меня с палаты отнесли рожать проткнули пузырь воды отошли и родила девочку (она была мертвая) и плацента сама родилась потом наркоз не знаю зачем. НЕ ДАЙ БОГ кому то это пережить сию читаю и реву очень нарушилась психика не с кем не хочется общаться хочется умереть.

ольга Красной нитью проходит фраза: “Что Я пережила...”, заметте акцент на слове Я! Вы не хотите дать прожить своему “неполноценному” ребенку, потому, что сами прежде всего не желаете испытывать страдания видть и понимать, что он умрет! Но при этом, пусть тяжело, но соглашаетесь с решением растворить его внутри себя в солевом растворе... Вы жалеете, прежде всего Себя!

Saturnina Тех, кто убил живых детей, уважать не могу. Хотите еще детей? А какими вы им будете матерями? <...> С вами будет только осуждение и стыд, убившие своих детей.

На несколько часов я с головой погружаюсь в это черное акушер-гинекологическое подпространство. И даже потом, когда я вроде вынырываю, меня все время тянет обратно. Ничто на свете не интересует меня больше, чем эти патологические сводки из ада. В нашем со Старшим бытовым лексиконе даже появляется выражение “читать про ужасы”.

– Ты что, опять читаешь про ужасы?

– Да.

– Зачем?

– Чтобы знать.

Я читаю про возможные последствия “искусственных родов” для здоровья (это целый букет, от инфекций и кровотечений до полной потери детородной функции в будущем).

Я читаю про “чистку”, которую также называют “выскабливанием”, – оба слова отвратительны. Чистку делают уже в самом конце, под наркозом, вне зависимости от того, остались ли в матке какие-то фрагменты плаценты, просто на всякий случай. Чистку порой делают по несколько раз, потому что чистят кюреткой вслепую, без контроля УЗИ, и что-то все равно остается. Я боюсь наркоза. Боюсь выскабливания. Боюсь кюретки. Боюсь всех этих слов. Я не хочу, чтобы

меня скоблили и чистили острой кюреткой.

Я читаю про солевые аборты и леденцовых младенцев.

Я читаю истории женщин, которые держали в руках мертвые тельца своих пузожителей.

Я читаю истории женщин, чьи семьи после “искусственных родов” распались.

Я читаю истории женщин, которые никогда не находят покоя.

Я читаю вопросы “за что?”, и “как теперь жить?”, и “возможно ли, что это ошибка врачей?”.

Я читаю комментарии с соболезнаваниями и комментарии с гневными обличениями.

Я читаю исповеди и проповеди.

Я не знаю, зачем я все это читаю, потому что информации у меня уже море. Вероятно, мне просто хочется постоянно получать подтверждение, что я не одна такая. Что есть целый огромный подвал таких же крыс, как и я, и они все визжат от боли и страха.

Вместе с крысами в подвале заточены тролли. Те, кто пишут про детоубийство, и про бочку с соляным раствором, ожидающую в аду, и про Бога, который один решает, кому жить, а кому умирать.

Вообще Бог на такого рода форумах существует в двух лицах. Бог карающий – тот самый, который всех за такие вещи в свое время окунет в хлорид натрия, – и Бог Экспертного Класса. Бог Экспертного Класса (а также его заместники –

матронушка, батюшка) способен исправить плохие результаты УЗИ, исцелить хромосомные аномалии и опровергнуть диагнозы.

Безусловно, в ситуации, когда надеяться остается только на чудо, обращение к высшей инстанции совершенно естественно. Лично я – агностик, но если бы я была верующей, если бы не сомневалась, что кто-то наверху меня слышит, молитва приносила бы мне облегчение. Вера в чудо – естественна. Молитва – естественна. Неестественно, когда молитва и медицина, диагноз и вера взаимозаменяют друг друга. Когда советы, касающиеся пороков развития плода, поступают от батюшки. “Врачи отправляют на прерывание у ребенка нет мозга как помочь малышу?” – “Не слушайте врачей, езжайте к матронушке...” Это же до какой степени отчаяния и умопомрачения надо дойти.

Гость Сходите к батюшке и спросите, прерывать беременность или нет.

alfina кричала на всю клинику, что повешусь. <...> иду убивать свое дитя, саму себя! <...> ей было больно, очень больно. я ее больше не чувствовала... <...> иду к генекологу на прием и о БОЖЕ не дочистка, опять больница. чистка. слезы. терпения нет. просто ходячий труп. потом еще будет киста, а как я хотела? убить дитя и все? спокойно жить дальше?

Михайловна Вы – убийцы, девочки мои. Это такое

же убийство, как подойти на улице к больному ребенку, старику <...> и прибить его – чего мучается и заражает других. Любая многодетная алкоголичка лучше вас. Вместо того, чтобы доносить до срока вашу кровиночку, вашу боль, <...> родить, сделать все возможное для спасения крохи, окрестить, или, не дай Бог, закрыть ему глазки и предать земле по-христиански, вы отдаёте его на органы и на омолаживающие крема для стареющих дам. Неудивительно, что медсестры относятся к вам с презрением. Я бы вас стерилизовала. P.S. А в бочке с соляным рассолом вы ещё и сами побываете. По окончании этой жизни.

В чем опять же особенность именно журналиста с патологией беременности, а не, скажем, художника, – русскоязычного подвала с крысами ему недостаточно, и для полноты картины ему необходимо также залезть в англоязычный. Я лезу.

...На английских форумах, конечно, тоже есть Бог, но он немного другой. Не карающий и не эксперт, а что-то вроде уютного теплого котика – или, в крайнем случае, мамы. Он домашний, он утешает и в силу своих способностей проявляет заботу. На него можно даже обидеться или разозлиться за то, что свои функции он выполнил плохо. На форумах, посвященных порокам развития, встречаются даже отдельные темы вроде “Наши отношения с Богом после потери”. Помимо Бога, там также постоянно фигурирует ещё один персонаж – психолог. Как нечто само собой разумеющееся для та-

кой ситуации. А не как крайняя мера, к которой ты прибегаешь, только если окончательно съезжаешь с катушек.

Вообще англоязычные тематические форумы гораздо меньше напоминают подвал. В первую очередь потому, что там царит удивительный порядок, все страдания, так же как и мутации, четко разложены по полочкам. Есть, например, популярный сайт с чудовищным мыльнооперным названием *A Heartbreaking Choice* (“Разбивающий сердце выбор”). В левой колонке размещен перечень различных нарушений развития: анэнцефалия, врожденные дефекты мозга, врожденные дефекты сердца, гидроцефалия, синдром Поттера (в том числе мой случай), спина бифида, трисомия 13, трисомия 18, трисомия 21 (даун) и т. д. Кликаешь мышкой в нужное – читаешь *heartbreaking stories* по теме. Есть масса сайтов, посвященных исключительно одному какому-то нарушению. Хочешь “поговорить об этом”? – идешь в раздел дискуссий на сайте. И соблюдаешь определенные ритуалы и правила.

Главное правило: если ты, к примеру, религиозный фанатик, сетевой тролль, или у тебя просто есть свое личное мнение по поводу недопустимости позднего аборта, или тебе случайно открылось, что между прерыванием беременности по медпоказаниям и геенной огненной существует прямая связь, – тебя вежливо, крупным шрифтом, предупреждают, что тебе не следует высказываться на форуме. Потому что здесь собрались женщины, которые переживают потерю и

которые in pain, и их не следует огорчать. Потому что тебя все равно немедленно забанят – и в лучшем случае этим все ограничится. В худшем случае на тебя подадут в суд за причинение психологического ущерба. Не хочешь в суд? Создай собственный дискуссионный клуб, посвященный геенне огненной, и наслаждайся жизнью.

Ни на одном тематическом англоязычном форуме я ни разу не встретила ни одного агрессивного идиота со своим мнением в жанре “матери-убийцы”. Не потому, что в США, Канаде или Австралии нет агрессивных идиотов – их там не меньше, чем здесь, – а потому, что есть правила.

Поэтому “их” обсуждения пороков развития и прерывания беременности – это форма психотерапии. А “наши” – форма самоистязания.

Ну и о ритуалах. Один из обязательных ритуалов на англоязычных форумах: любые личные излияния в ответ на чьи-то чужие излияния предваряются одной простой фразой: I am sorry for your loss. Я сочувствую вашей потере.

Может быть, на самом деле ты никому не сочувствуешь. Может быть, ты думаешь только о своей горе. Но ты все равно берешь и вбиваешь простую фразу. Просто для того, чтобы не чувствовать себя крысой в подвале.

Глава 5

Шанс

Я все-таки нахожу еще одного узиста экспертного класса – Ольгу Мальмберг. У нее полная запись на все ближайшие дни, но, услышав диагноз, она говорит: “Приходите завтра”. Ее УЗИ тоже стоит дорого – даже дороже, чем у Воеводина, но финансовый вопрос к этому моменту совершенно меня не волнует. Деньги – просто бумажки с картинками. Свободных бумажек больше нет, мы живем в съемной квартире, так что я лезу в конверт, на котором написано “за декабрь”, и вынимаю бумажки оттуда. На дне красной тумбочки, между контрактом на сценарий и альбомом с рисунками Барсучка, у меня вообще-то припрятан еще один конверт – с деньгами на роды. Но из него я бумажки брать не хочу. Мне вдруг начинает казаться, что наличие конверта с деньгами на роды как-то повышает мои шансы на то, что роды все-таки состоятся.

На это УЗИ мы идем с Барсуком Старшим.

Мы долго ждем в холле частной клиники “Мать и дитя”, вокруг нас – в той или иной степени довольные жизнью беременюшки, а также “экошницы” – женщины, пришедшие на экстракорпоральное оплодотворение. Искусственная елочка обмотана мишурой. Обстановка карнавальная. На стене – большой плазменный экран, и чтобы не смотреть на чужие

животы, я таращусь в него. Там какой-то гогочущий мужичок, тоже с животом, готовит что-то невыносимо жирное, розовое и мягкое, потом отдает это на съедение каким-то теткам, а те ему за это дарят кастрюлю, и все они очень счастливы...

– ...Почки диффузно увеличены, гиперэхогенной структуры, со множественными кистозными включениями... – Ольга Мальмберг смотрит в экран с грустью – кажется, искренней – и диктует своей ассистентке. – Потерпите, ребята, – это уже нам. – Сейчас я закончу исследование, и мы все обсудим... Так, плацента... три сосуда... нормальное количество вод... мозжечок... Сердцебиение... Стопы... Пол ребенка... мальчик...

Я лежу зажмурившись. Через стук моего собственного сердца до меня доносится ее голос, подробно описывающий мальчика в моем животе. Этот голос не произносит ничего нового, такого, чего я бы уже не слышала на предыдущих УЗИ, но он звучит спокойно и при этом печально, и он говорит: “Потерпите”, и он называет меня “зайкой”, а моего ребенка – ребенком, а не плодом, и нас со Старшим он тоже называет “ребятами”, и он говорит: “Очень жаль”... Это просто хороший человеческий голос – не больше, но и не меньше. В самый раз, чтобы найти в себе силы открыть глаза и одеться, когда все закончится.

– Что ж, ребята, я все посмотрела, – говорит Ольга Мальмберг. – У вашего малыша двусторонняя мультикистозная

дисплазия почек. Мне очень жаль. Других пороков развития я не вижу. Такие дети...

“...не выживают не выживают не выживают”, – колотится у меня в голове.

– ...нуждаются в гемодиализе сразу после рождения, если им удастся выжить. Позднее они нуждаются в искусственной почке, – договаривает она.

– А что, у него есть шанс выжить?

– Небольшой шанс есть, – отвечает Мальмберг. – Если это изолированный порок, а не часть какого-то хромосомного отклонения. Если функция хотя бы одной из почек в какой-то степени сохранна. Все это будет видно через две недели. Проявятся ли какие-то другие пороки. И будут ли воды. При отсутствии вод – шансов нет. Тогда будет компрессия, не разовьются легкие... Ребенок погибнет не от почечной недостаточности – он просто не сможет дышать. При сохранной функции хотя бы одной почки у вас останутся воды и можно будет попытаться спасти малыша. Хотя с таким пороком развития вы имеете право прервать беременность в любом случае. Это ваше решение.

– Я не хочу прерывать беременность, – говорю я.

– Мы не хотим, – бесцветным голосом вторит Старший.

Она кивает:

– Тогда давайте просто попробуем успокоиться и подождать две недели, а потом повторим УЗИ. Срок гестации у вас будет восемнадцать-девятнадцать недель. Еще не поздно

для прерывания, если обнаружится маловодие... Это трудно, я понимаю. Ждать трудно. И шанс небольшой, ребята.

– Могу ли я что-то делать для того, чтобы воды остались? – спрашиваю я. – Что угодно?

Я готова пить воду чашками, литрами. Или пусть мне вливают ее через капельницы. Может быть, тогда хоть что-то достанется и ему?..

– Вы не можете ничего сделать, – говорит она просто. – Только ждать. Я надеюсь, что вам повезет.

Нам не повезет. Но за те две недели надежды и отсрочки, которые она нам дала, Ольге Мальмберг я до сих пор благодарна.

За те две недели я все-таки дописала репортаж про неблагополучную многодетную семью и службу опеки (дети, кстати, в итоге остались у матери).

За те две недели я успела десятки, сотни раз сказать своему нерожденному ребенку: останься. Ну пожалуйста, останься, останься. Мы будем тебя любить. Мы будем с тобой играть. Тебе понравится. Не уходи. Не бросай нас.

За те две недели я успела десятки и сотни раз сказать ребенку, который у меня уже есть, что он ни в чем не виноват. Парадоксально – но моя восьмилетняя дочь считала себя ответственной за происходящее. “Это все из-за меня?”, “Это потому, что я вас просила завести мне сестру или брата?”, “Это потому, что я простудилась и разнесла по дому инфекцию?” ...

За те две недели я успела изучить и просчитать какие-то ходы, варианты. Как и где спасти малыша, если воды все-таки будут. Как и где прерывать беременность, если вод нет. По большому счету, вариантов прерывания было два: гинекологическое отделение инфекционной больницы здесь (через женскую консультацию) или хорошая клиника, которая не брезгает “заниматься таким”, за границей. По российскому законодательству никакие клиники, кроме специализированных типа Соколиной Горы, проводить поздние аборты по медпоказаниям не имеют права – ни платно, ни бесплатно.

Те две недели были просто моим временем, выигранным временем, которое не смогли у меня отнять даже работники женской консультации. Без этого времени и без этой надежды я бы, вероятно, сдалась и сделала все, как они хотят – срочно, покорно, безальтернативно. Не исключено, что в московской инфекционной клинике и впрямь работают чудесные специалисты, я ничего об этом не знаю. Просто за те две недели я окончательно поняла, что у меня должно быть право выбирать, где и как я хочу прерывать беременность: с инфекционными больными или нет, с обезболиванием или без, в присутствии мужа или в одиночестве. Инфекционная больница предлагала “дешевый и сердитый” пакет услуг: госпитализация дней на 10–14, искусственно индуцированные роды без обезболивания, выскабливание, курс антибиотиков, посещения родных – в строго отведенные часы.

Я навела справки в нескольких иностранных клиниках, через живущих за границей друзей и знакомых. В Венгрии, Франции и еще где-то мне выразили сочувствие и отказали – они не прерывают беременность на поздних сроках иностранкам без вида на жительство. Венгерский врач между прочим упомянул, что “солевые аборты” у них не применялись с семидесятых годов прошлого века и что они используют максимально щадящие средства. В Израиле были готовы меня принять – но мероприятие требовало огромных денег и обещало массу бюрократических заставок и проволочек. Самой реальной опцией оказалась берлинская клиника “Шарите”, с которой предварительно договорилась моя подруга Наташа, давно уже живущая в Германии. Однако прерывание в “Шарите” тоже стоило недешево – более того, они называли лишь приблизительную сумму в пять тысяч евро, а окончательную готовы были назвать лишь после осмотра и УЗИ. С учетом того, что требовались также деньги на билеты, на съем квартиры в Берлине и на сопутствующие расходы, а в нашем конвертике “на роды” не было даже четверти нужной суммы, вся затея казалась, мягко говоря, сомнительной.

Мы начали собирать деньги по друзьям и знакомым, но параллельно, на случай, если не соберем или если что-то сорвется с визой, я отправилась-таки в женскую консультацию, которую так настойчиво рекомендовало мне светило науки.

Глава 6

Других родишь

– С мужчинами нельзя, – мрачный крепыш в сером свитере преграждает нам путь.

Это охранник. Он охраняет районную женскую консультацию Хамовников. От мужчин.

– Это мой муж, – говорю я.

– С мужчинами нельзя, – скучно повторяет охранник. – Такие правила.

– Пропустите меня, пожалуйста, – говорит муж. Он, кажется, искренне верит, что мрачному человеку в мышинном свитере можно что-то объяснить. – У нас серьезная ситуация. Действительно серьезная. Нам нужно поговорить с врачом вместе.

– Мужчинам сюда нельзя, мужчина, – охранник широко расставляет ноги, как бы демонстрируя, что никакая сила в мире не помешает ему честно выполнять свой долг. – Это женское учреждение. Пусть женщина идет одна. А вы пока присядьте здесь, на банкеточке.

Мы сдаемся. Муж присаживается на банкеточке, я иду одна. Поднимаюсь на второй этаж и сажусь на другую банкеточку – напротив кабинета врача – в бесконечную женскую очередь. Такие правила. Мужчинам нельзя. Мужчины здесь ни при чем. Мужчин нельзя подпускать к женским учрежде-

ниям, к женским болезням и бедам. Так думает тот, кто сочинил эти правила. Так думают сами женщины в очереди. Так думает врач в консультации. Так думает моя мать. Когда она узнала, что я хочу, чтобы Саша был со мной рядом на “искусственных родах”, пришла в ужас:

– Ты что, хочешь еще и мужа лишиться? Зачем ему этот кошмар? Мужчины после такого сбегают!

Акушер-гинеколог, обслуживающая мой микрорайон, в сущности, хорошая тетка. Услышав про поликистоз почек, она, кажется, вполне искренне мне сочувствует – и даже пытается утешить как может. Она вываливает на меня грудку народных мудростей, большую часть которых я уже встречала на форумах. Она говорит:

– Не плачь, какие твои годы, еще родишь здоровенького.

Она говорит:

– Сейчас прервешь, а через годик снова забеременеешь, в одну воронку снаряд дважды не попадает.

Она говорит:

– Бог дает нам испытания только по силам. Раз дал тебе такое – значит, ты можешь выдержать.

Потом она говорит, что мне надо срочно, срочно проходить медицинский консилиум, получать разрешение на прерывание и ложиться в специализированную больницу. Она ищет мою карту и не может найти, карты нет. В этом виновата только я сама – ведь я встала на учет в восемь недель

беременности, но потом консультацию не посещала, предпочтя ей “всяких платных врачей”, и, естественно, за это время карта “пропала”, – но она меня прощает. Сейчас мы быстренько заведем мне новую. Потому что мне нужно срочно, срочно встать на учет заново.

– Значит, так, вот как мы поступим. Ты сейчас пойдешь вниз, в регистратуру, и тебе заведут новую карту. Потом вернешься сюда, я заново поставлю тебя на учет и дам тебе направление, с ним ты обойдешь врачей в районной поликлинике: терапевта, стоматолога, кардиолога – потому что у тебя просто бешеный пульс! – лора, окулиста... Они тебе должны заполнить обходной лист. Принесешь его сюда. Иначе – без этого листа – я не смогу тебе выдать обменную карту на руки. Так, муж еще пусть пойдет сделает рентген легких. Потом соберем консилиум – и...

– Я еще не решила, – тихо говорю я.

– Что не решила?

– Буду ли я прерывать беременность. Мне сказали, что если через две недели останутся воды, то есть шанс...

– Да что ты такое несешь?! – рывкает добрая тетушка, но тут же смягчается. Ей все-таки по-прежнему меня жалко. Она смотрит на меня, как на сумасшедшую. Как на безумную Офелию, которая вплетает ромашки в спутанные волосы, напевая себе под нос, вместо того чтобы срочно бежать в районную поликлинику с обходным листом. – ...Не решила она!.. Шанс у нее есть!.. Да ты хоть понимаешь, что за жизнь

у тебя будет, если ты его родишь? Он же будет инвалидом, глубоким инвалидом, уродом! И ты с ним будешь одна! Мужья, знаешь ли, когда такие дети, надолго не задерживаются! Не выдумывай давай. Потом родишь здорового. Значит, так, сейчас в регистратуру...

– И все-таки, если воды останутся, я собираюсь его доносить. Это будет ясно через две недели.

– Если останутся! Две недели! Да нету у тебя двух недель! У тебя часы тикают! Через две недели он, может быть, уже будет весить 500 граммов! А когда они весят 500 граммов, врачи по закону уже должны их спасти! Понимаешь? Вот ты его родишь – а его еще будут мучить, откачивать, а он все равно нежизнеспособный! Тебе это надо?

– А если он весит меньше пятисот граммов? – неожиданно для меня самой интересуется другая, деловитая и спокойная я. – Тогда что?

– Тогда он рождается мертвым, – говорит добрая тетушка. – А сейчас иди на первый этаж, в регистратуру, и заводи карту.

Я иду в регистратуру, ледяная и какая-то не вполне целая – как треснувшая на морозе деревяшка. Напротив регистратуры, на банкеточке, сидит мой муж.

– Ну что? – вскакивает.

– Мне надо завести карту, – тупо говорю я.

Доброжелательная бабушка за стойкой регистратуры вносит мои данные в компьютер:

– Какой срок беременности?

– Шестнадцать недель.

Она вручает мне какую-то бумажку, с которой нужно подняться обратно в кабинет гинеколога, и подарочный пакет. В нем – пробник крема от растяжек, рекламная брошюрка роддома и памперс.

Я смотрю на памперс. Долго смотрю. Так долго, что деревянная и деловитая я успевает заскучать и куда-то деться. А раздавленная и бесхребетная я начинает плакать. И говорить Барсуку Старшему:

– Я не хочу его убивать!.. Я хочу родить его и надеть на него этот памперс!..

Ребенок внутри меня слегка вздрагивает – как пойманный в ладонь мотылек.

– Между прочим, женщина, у нас тут беременные! – укоризненно говорит какая-то тетка в белом халате, до сих пор безмолвно наблюдавшая за нами. – А вы так себя ведете!..

Барсук Старший встает между ею и мной и обнимает меня. Гладит по голове. И шепчет:

– Пойдем отсюда...

Для этого он сидел тут, на банкеточке, два часа. Чтобы обнять меня и увести из этого женского ада в холодную осеннюю тьму, в которую можно заходить людям обоих полов.

В тот же вечер мои родители, которые до сих пор считали идею бегства в “Шарите” абсурдной, звонят нам и говорят, что смогут дать большую часть нужной суммы. Они то-

же почитали на форумах рассказы о прерывании беременности на поздних сроках. Недостающие деньги обещают одолжить друзья. Мы покупаем на сайте билеты на самолет. По какому-то удивительному совпадению самые дешевые – как раз на тот день, когда у нас назначено УЗИ у Мальмберг. Мы решаем так. Приедем на УЗИ с чемоданом. Если воды есть, мы просто потеряем билеты. Если их нет – поедem в аэропорт прямо из клиники. Барсучок Младший останется с моими родителями.

– ...К сожалению, ребята, вод практически совсем не осталось.

Мы едем в аэропорт через месиво метели и грязи.

Мы летим в самолете. В иллюминаторе – темная, ледяная пустота. Обычно я очень боюсь летать, но сейчас мне не страшно. Мне все равно, упадет этот самолет или нет.

Лично я уже упала.

Глава 7

Приговор по-немецки

В клинике “Шарите” меня принимает профессор Калаш – немецкое светило ультразвуковой диагностики, специализирующееся на внутриутробных пороках развития. Мы говорим по-английски; на всякий случай, если понадобится перевод с немецкого, нас сопровождает моя подруга Наташа.

Первое, что говорит мне доктор Калаш, когда мы заходим в кабинет:

– Мне очень жаль, что вы оказались в нашей клинике по такому грустному поводу.

Он водит датчиком по моему животу, а на большом экране не появляется лицо моего сына. Он сосет палец. А вдруг немецкое светило сейчас опровергнет диагноз? Или нет, он скажет, что диагноз в целом верный, но у них в клинике умеют лечить такие...

– К сожалению, я могу только подтвердить диагноз, поставленный вам в Москве. Это поликистоз почек инфантильного типа – либо двусторонний мультикистоз. Вод нет. В любом случае прогноз на жизнь неблагоприятный. Мне действительно очень жаль. У этого малыша шансов нет. This little baby has no chance.

Он называет его baby. В описании УЗИ, в протоколе вскрытия мой сын будет именоваться fetus – плод. Но в уст-

ной речи, обращаясь ко мне и мужу, сотрудники “Шарите” используют только слово baby. Потому что у них здесь проводились психологические исследования. Никто, никто на свете не знает, есть ли у плода душа. Зато по результатам исследований доподлинно известно, что женщине проще, когда ее обреченный плод называют бейби, а не фетус. Не отказывают ему в человеческих, детских свойствах.

Постоянно слыша это “бейби”, мой муж тоже скоро начнет называть нашего ребенка ребенком. Не потому что я буду настаивать – просто на автомате...

– Голова малыша находится внизу. Если вы не возражаете, я хотел бы посмотреть мозг трансвагинально, – говорит доктор Калаш. – Дело в том, что такие измененные почки могут быть изолированным пороком либо частью некоего синдрома. Тогда мы увидим изменения и в мозге. Пожалуйста, приспустите одежду. Вы не возражаете, если во время этой части исследования здесь будут присутствовать ваш муж и ваша подруга? Может быть, вы хотите, чтобы они вышли?

– Пусть остаются, – я вспоминаю профессора Демидова и его пятнадцать студентов.

Доктор Калаш накрывает меня сверху одноразовой пленкой так, чтобы не видно было обнаженного тела, и вводит во влагалище датчик.

– Мозг развит нормально, – заключает он. – Пожалуйста, одевайтесь. Сейчас я расскажу вам, что вы можете делать дальше и какой у вас выбор.

И он рассказывает. Еще раз, внимание. Профессор Калаш – один из самых известных в Германии специалистов по патологиям плода – не посылает меня в женскую консультацию, к ассистентке или куда-либо еще, а просто сам спокойно и подробно рассказывает, что нам теперь делать и как.

“План действий” в нашем случае достаточно четкий. Профессор выдает мне бумагу с результатами УЗИ, диагнозом и специальной припиской в конце: “По желанию женщины может быть проведено прерывание данной беременности”. Никаких дополнительных разрешений, обходных листов и консилиумов для прерывания ни мне, иностранке, ни любой обычной немке не нужно – диагноз профессора сам по себе является достаточным основанием. Дальше, по закону, женщине дается три дня на раздумья: прерывать беременность или донашивать. Причем три дня – не в том смысле, что она не может думать дольше, а ровно наоборот: она обязана думать не менее трех дней. В эти три дня она также должна в обязательном порядке посетить психолога, желательно вместе с мужем/партнером. Причем ответственность за это посещение лежит на враче – он может чуть ли не потерять работу, если выяснится, что он не порекомендовал женщине сходить к психологу, а в случае ее отказа – не настаивал. С родильным отделением клиники сотрудничают несколько психологов – “специалистов по потерям”, визит к ним бесплатный. Но ни психолог, ни медики не вправе оказывать на женщину и семью моральное давление и как-то подталки-

вать к тому или иному решению. По прошествии трех дней женщина сообщает о своем решении клинике.

– Я приехала сюда специально, чтобы прервать беременность, если диагноз подтвердится, – говорю я. – Мне не нужно думать три дня, и психолог тоже не нужен. В России врачи не захотят вести такую беременность, даже если я решу ее донашивать.

– И все же – у вас есть эти три дня, – говорит доктор. – Вы можете не думать, если не хотите. Но я бы очень советовал вам с мужем сходить к психологу. Это бесплатно. Хуже от этого точно не будет. Зато может стать легче.

– Вы предлагаете мне психолога, потому что это обязательное правило?

– Для немки – да. Но вы как иностранный пациент не обязаны идти к психологу. Я предлагаю это, потому что считаю, что вам это нужно.

– А если бы я была немкой... и выбрала бы пролонгирование беременности... как бы все было дальше?

– Вас наблюдали бы, как любую другую беременную. Возможно, вам бы сделали кесарево сечение, если бы из-за увеличенных почек размер живота ребенка к моменту родов был слишком большим и мог повредить родовые пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.